

МИФ ОБ ЭДИПЕ: СЮЖЕТ МСТИ И СТАТУЯ МИТИЯ

© 2020 В.И. Пимонов

*Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук (Дания),
профессор-эмеритус.*

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР).
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 01.10.20

Объект статьи: Работа посвящена структуре сюжета об Эдипе. *Предмет статьи:* Автор показывает, что схема мести, которая в обобщенном виде была описана Аристотелем на примере истории Мития (посмертная статуя Мития падает, отчего погибает убийца этого Мития), в завуалированной и нетривиальной форме воплощена в сюжете об Эдипе. Разобрана параллель между ролью статуи Колона в пьесе Софокла «Эдип в Колоне», которую автор рассматривает как неотъемлемую часть общего сюжета мифа, и ролью статуи Мития. *Цель исследования:* Описание структуры сюжета об Эдипе в свете мотива мести. *Методология работы:* Автор использует методы лингвистического и структурно-семантического анализа. *Результаты:* В основе сюжета мести в мифе об Эдипе лежит инверсия ролей убийцы и мстителя, когда по ходу действия убийца становится жертвой, а жертва — убийцей. Инверсия ролей происходит в результате раздвоения фигуры жертвы, когда ответное убийство, то есть месть, осуществляет не сама жертва, а ее двойник. Эдип как бы «раздваивается» на двух разных персонажей, становясь двойником самого себя: *Эдип в роли убийцы*, который убивает Лаия в дорожной ссоре, в символическом смысле оказывается двойником *Эдипа в роли жертвы*, которого, как думает Лаий, он убил в младенчестве. *Эдип в роли мстителя*, который мстит убийце Лаия, то есть самому себе, путем самоослепления, *знает*, что он отцеубийца, а *Эдип в роли убийцы*, который убивает Лаия, *не знает*, что он тем самым превращается в отцеубийцу. *Область применения результатов:* литературоведение, структурная поэтика, классическая филология. *Вывод:* В основе сюжета об Эдипе лежит схема мести, которая разворачивается с помощью приема предсказаний и скрытых предвестий, предвосхищающих чередование актов убийства и мести. Автор выражает благодарность Дану Уитмену и Светлане Грачевой за помощь и ценные советы.
Ключевые слова: Эдип, сюжет, структура, двойник, мотив, убийство, месть, предсказание, предвестие.
DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-74-121-129

Месть. Мотив мести в мифе об Эдипе не обойден исследовательским вниманием [1, с. 15] [2, с. 442], но обычно не рассматривается как главный [3, с. 598]. Между тем, особую значимость этому мотиву сообщает проведение его через узловые события сюжета, связанные с убийством и наказанием за него. Эти события, изложенные Софоклом и рядом других древнегреческих авторов, в схематическом виде сводятся к следующему: фиванский царь Лаий, дабы избежать предсказания о гибели от руки собственного сына, пытается убить его в младенчестве, но ребенка спасают пастухи. Приемные родители, взявшие мальчика на воспитание, называют его Эдипом. Много лет спустя возмужавший Эдип убивает Лаия в дорожной ссоре [4, с. 82-83][5, с. 65]. Хотя Эдип убивает Лаия случайно, не зная, что это его отец, со структурной точки зрения это событие представляет собой месть сына за попытку отца

убить его самого, а последующее самоослепление Эдипа в финале пьесы Софокла является наказанием за совершенное им отцеубийство [6, с. 3-4].

Инверсия ролей. В основе инвариантной схемы сюжета мести лежит инверсия ролей убийцы и мстителя, когда по ходу действия убийца становится жертвой, а жертва - убийцей. Эту схему можно представить как преобразование исходной ситуации «А убивает В», где «А» - это убийца, а «В» - жертва, в конечную ситуацию «В убивает А», то есть, «В мстит А». В литературном сюжете такая инверсия ролей становится возможной в результате удвоения или раздвоения объекта «В», когда ответное убийство, то есть месть, осуществляет не сам «В», а его двойник «В1» [7, с. 35]. Для удобства описания мы употребляем здесь термин «месть» в отношении любого *ответного* акта убийства, который совершается вне зависимости от

побуждения персонажа отомстить за ранее нанесенный ему вред или ущерб.

Митий. Рассуждая о том, в каких случаях трагедия вызывает страх и сострадание, Аристотель полагает, что «чаще всего [это] бывает, когда <что-то> одно неожиданно оказывается следствием другого <...>, ведь и среди нечаянных событий удивительнейшими кажутся те, которые случились как бы нарочно: например, как в Аргосе статуя Мития упала и убила виновника смерти этого Мития, когда тот смотрел на нее» [8, с. 128] - «οἷον ὡς ὁ ἀνδρὶς ὁ τοῦ Μίτιος ἐν Ἀργεὶ ἀπέκτεινεν τὸν αἴτιον τοῦ θανάτου τῆ Μίτι, θεωροῦντι ἐμπεσόν: ἔοικε γὰρ τὰ τοιαῦτα» [9, с. 1452a]. Сюжет о Митии можно записать в виде последовательности событий, которая приводит к инверсии ролей убийцы и мстителя: «А (убийца) убивает В (Мития)», «В (Митий) убивает А (убийцу)», то есть, «убитый мстит своему убийце». Инверсия ролей происходит в результате раздвоения объекта «В»: ответное убийство совершает не сам Митий, а его посмертный памятник, выступающий в роли двойника «В1». В дальнейшем эта сюжетная схема легла в основу средневековой легенды о Дон Жуане, где, как и в истории о Митии, ответное убийство совершает статуя убитого [10, с. 27][11, с. 207]¹. Покажем, что схема мести, в обобщенном виде описанная Аристотелем на примере истории Мития, в завуалированной форме воплощена в мифе об Эдипе, который,

тем самым, оказывается ранним прототипом такого сюжета.

Двойники. Схему мести в мифе об Эдипе формально можно записать как преобразование исходной ситуации: «А (Лаий) убивает В (Эдипа)» в ситуацию «В (Эдип) убивает А (Лаия)». На первый взгляд, схема мифа об Эдипе отличается от той, которая лежит в основе истории Мития, когда фигура «жертвы» раздваивается и месть осуществляет посмертная статуя, выступающая в роли двойника Мития. На самом же деле в сюжете об Эдипе происходит то же самое: Эдип тоже «раздваивается», оказываясь как бы расщепленным на двух разных персонажей, становясь, тем самым, двойником самого себя: *Эдип в роли убийцы*, который убивает Лаия в дорожной ссоре, в символическом смысле оказывается двойником *Эдипа в роли жертвы*, которого, как думает Лаий, он убил ещё в младенчестве.

Таким образом, ответное убийство, то есть месть, осуществляет не сам объект «В», а его двойник «В1». Замаскированный механизм раздвоения Эдипа на двух разных виртуальных персонажей (сына Лаия и Иокасты, который, как думают его настоящие родители, погиб в младенчестве, и живого сына воспитавших его приемных родителей - Полиба и Мeroпы) делает возможной инверсию ролей убийцы и жертвы, лежащую в основе схемы мести. В сюжете о Митии месть за убийство осуществляет статуя, выступающая в роли двойника убитого, образно говоря, «убитый», вернувшийся с «того света». В отличие от истории Мития, фигура которого удваивается его посмертным памятником, в мифе об Эдипе герой в символическом смысле раздваивается на двух разных индивидов - «мертвого» и живого, вернувшегося с «того света»².

¹ Один из наиболее ранних вариантов сюжета мести, когда убитый мстит своему убийце с помощью символического «двойника», представлен в Палатинской антологии в виде загадки: «Κτανθεὶς τὸν κτεῖναντα κατέκτανον» (книга 14, 33) - «Убитый, я убил (своего) убийцу» - (пер. В.П.). Ответ: кентавр Несс. По одной из версий, Геракл убил кентавра Несса выстрелом из лука. Перед смертью Несс сообщил жене Геракла Деянире, что его кровь, вытекшая из раны, послужит приворотным зельем, которое поможет ей навсегда сохранить верность мужа. Позже, заподозрив, что Геракл может изменить ей, Деянира пропитала его нижнюю одежду (хитон) снадобьем, изготовленным из сохраненной ею кровью кентавра Несса. Надев хитон, Геракл умер в страшных муках. Оказалось, что кровь Несса содержала смертельный яд, который проник в тело Геракла через кожу при соприкосновении с нижней одеждой — так коварный кентавр отомстил своему убийце (Oldfather W. Nessos 2 // Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft- 1936, Bd. 17, 1. P. 85).

² Схема сюжета, воплощенная в мифе об Эдипе, когда герой убивает законного короля, женится на его вдове и становится нелегитимным царем, воспроизводится в «Гамлете» Шекспира: Клавдий убивает законного короля (только не своего отца, а своего брата), женится на его вдове, что названо incestом, и становится нелегитимным королем. В «Гамлете» сын мстит за отца и убивает его убийцу. Эдип тоже мстит за убийство своего отца, ослепляя его убийцу (символически — убивая) - самого себя. И в «Гамлете», и в «Эдипе», мстителем выступает «двойник» убитого. И Гамлет, и Эдип — в символическом смысле двойники своих отцов. В

Двойник отца. После преобразования исходной ситуации «А (Лаий) убивает В (Эдипа)» в ситуацию «В1 (Эдип) убивает А (Лаия)», следует новая итерация схемы мести, основанная на очередной инверсии ролей убийцы и мстителя. Теперь уже ситуация «А (Эдип) убивает В (Лаия)» преобразуется в конечную ситуацию «В (Лаий) мстит В (Эдипу)». Поскольку Лаий («В») убит, то месть за его убийство осуществляет его двойник «В1», в роли которого неожиданно выступает сам убийца - Эдип. Выкалывая себе глаза, Эдип, тем самым, мстит самому себе за отцеубийство. Акт самоослепления как мести в символическом смысле представляет собой самоубийство¹. При этом фигура Эдипа вновь раздваивается: *Эдип в роли мстителя*, который мстит убийце Лаия, то есть, самому себе, путем самоослепления, *знает*, что он отцеубийца, а *Эдип в роли убийцы*, который убивает Лаия, *не знает*, что он тем самым превращается в отцеубийцу. Другими словами, месть Эдипа убийце Лаия осуществляет двойник того Эдипа, который убил путника у трех дорог. В момент совершения убийства Эдип, как он считал, был сыном Полиба и Мeroпы, а в момент осуществления мести Эдип уже знал, что он сын Лаия и Иокасты. Нетривиальное построение, когда один и тот же персонаж виртуально раздваивается в результате двойственной идентичности, маскирует инверсию ролей убийцы и мстителя.

Слуги Лаия. В упрощенном варианте сюжета мести в роли мстящего двойника выступает слуга или родственник убитого. Так, в версии

момента совершения убийства Лаия Эдип считал, что он был сыном Полиба и Мeroпы, а месть за убийство Лаия уже осуществляет сын Лаия и Иокасты, как бы вернувшийся в «того света». Гамлет убивает Клавдия, то есть мстит ему, образно говоря, тоже «с того света», когда он сам уже смертельно ранен и «в нем нет жизни и на полчаса».

¹ Сюжет мести, переплетающийся с мотивом самоубийства в результате раздвоения героя, воспроизводится и в «Портрете Дориана Грея» О.Уайльда. После того как Дориан убивает художника, написавшего его портрет, он пытается уничтожить (убить) и сам портрет, то есть своего «двойника», который стал живым изображением его преступлений. В финале романа Дориан, образно говоря, «мстит» своему портрету, пронзая его ножом. Символическое самоубийство героя оказывается реальным: «на полу с ножом в груди лежал мертвый человек во фраке. Лицо у него было морщинистое и только по кольцам на руках слуги узнали, кто это».

Еврипида, о которой можно судить по сохранившимся фрагментам его пьесы, глаза Эдипу выкалывают слуги Лая, которые мстят ему за убийство своего хозяина. Слуги узнают убийцу по колеснице Лая, которую Эдип подарил своей приемной матери Перибее еще до того, как он узнал о своих настоящих родителях [12, с. 108-110]. В ослеплении Эдипа, возможно, принимает участие и Креонт, брат Иокасты и родственник Лаия, выступающий в роли «субститута» убитого.

Единый сюжет. Сюжет пьесы Софокла «Царь Эдип» обычно рассматривают отдельно от сюжета написанной примерно на четверть века позже пьесы «Эдип в Колоне». Между тем, еще В.Я. Пропп, опираясь на сравнительные фольклорные исследования, настаивал на том, что эти две пьесы «есть органическое целое, один сюжет, а не два сюжета» [13, с. 295]. Мы рассматриваем пьесы «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» как неразрывные *части единого сюжета мифа об Эдипе*. Первая пьеса завершается *самоослеплением* Эдипа — добровольным самонаказанием (местью) за отцеубийство (и инцест — как факультативный акт, отсутствующий, в отличие от отцеубийства, в некоторых изводах мифа) и изгнанием его из Фив. Вторая пьеса завершается добровольным уходом Эдипа из жизни, то есть *смертью* героя в предместье Афин Колоне, находящемся под властью Эвменид — богинь мести, что подчеркивает важность мотива мести в пьесе.

Смерть в Колоне. Наказание Эдипом самого себя за отцеубийство путем самоослепления в пьесе «Царь Эдип» оказывается не окончательным искуплением его вины. Дабы умиловить богинь мести Эвменид, Эдип совершает обряд возлияния и омовения перед смертью в Колоне. Способ ухода Эдипа из жизни остается загадкой, однако из текста пьесы явствует, что совершив очистительный обряд в священной роще Эвменид, он отказывается от проводников и самостоятельно, словно вновь обретая зрение, идет к месту своей смерти, где бесследно исчезает. Во исполнение пророчества, переданного самим Эдипом, его могила всегда будет защитой от врагов той земли, где она находится. Хотя в пьесе отсутствует указание на то, что Эдип покончил с собой, его добровольный, тщательно подготовленный и преднамеренный уход из жизни ассоциируется с самоубийством, по крайней мере, символическим, каким был и акт самоослепления в пьесе «Царь Эдип». В

противоположность пьесе «Царь Эдип», в которой Эдип безоговорочно признает свою вину за отцеубийство и инцест с матерью, в монологе перед Креонтом в пьесе «Эдип в Колоне» он полностью оправдывает себя как за отцеубийство (ОС, 960-1000 — далее перевод Ф.Ф. Зелинского): «Отца я встретил - и убил, не зная, / Ни что творю я, ни над кем творю», так и за инцест: «Я ж с нею грех тогда свершил неволей». Происходит инверсия ролей Эдипа: в пьесе «Эдип в Колоне» он выступает уже не в роли «преступника», а в роли «жертвы», возлагая ответственность за совершенные им преступления на богов. «В такое же несчастье ввергнут я / Богов раченьем», - говорит он об инцесте. Акт добровольного ухода Эдипа из жизни символизирует окончательное искупление им своей вины перед богами. В этом контексте чудесное «прозрение» Эдипа на пути к месту смерти становится своего рода преодолением [14, с. 239] предыдущего, недостаточного наказания в виде самоослепления.

Прозрение. Смерть Эдипа в Колоне формально можно выразить как результат преобразования ситуации «А (Эдип) убивает В (Лаия)» в конечную ситуацию «В (Лаий) убивает А (Эдипа)». Как и в пьесе «Царь Эдип», в роли двойника (В1) убитого Лаия выступает сам Эдип. Его добровольный уход из жизни - символическое самоубийство, в структурном отношении является ответным актом мести (или возмездия богов и одновременно прощения) за убийство Лаия. При этом фигура Эдипа снова виртуально раздваивается: тот Эдип, который убил Лаия, был зрячим физически, но слепым внутренне («убил, не зная»), а тот Эдип, который искупает вину за содеянное, добровольно умирая в Колоне, был слепым физически, но прозревшим душою.

Голос бога. В пьесе «Эдип в Колоне» мотив мстящего двойника удваивается: в роли двойника Лаия выступает не только Эдип, наказывающий сам себя добровольным уходом из жизни, но и бог Колон, который голосом «руководит» Эдипом на его пути к смерти. В момент, когда Эдип, совершивший очистительный обряд омовения, находится на пути к смерти в священной роще Эвменид, он вдруг слышит, что «какой-то голос (φθέγμα) / К нему воззвал» («ἦν μὲν σιωπῇ, φθέγμα δ' ἔξαίφνης τινός», ОС, 1624): «"Эдип! Эдип! Тебя зову! Давно

уж / Идти пора; не в меру медлишь ты"». В греческом тексте «καλεῖ γὰρ αὐτὸν πολλὰ πολλαχῆ θεός "ὃ οὗτος οὗτος, Οἰδίπους, τί μέλλομεν» (ОС, 1626-7) зовущий Эдипа обозначен словом **θεός (бог)**. Эдип понял, что «**бог (θεοῦ)** его зовет ...» - «Ὁ δ' ὡς ἐπήσθητ' ἐκ θεοῦ καλούμενος ...» (ОС, 1629). Имя бога, который «руководит» Эдипом на его пути к смерти в роще Эвменид, прямо не названо, однако ранее словом «бог» (θεός [theús] в пьесе обозначен Колон (ОС, 65), чье имя носят местные жители: «καὶ κάρτα, τοῦδε τοῦ θεοῦ - «конечно: те, что носят имя **бога**» (пер. В.С. Шервинского). Таким образом, процессом добровольной смерти Эдипа - его символического самоубийства - «руководит» бог. Эта сцена перекликается со сценой самоослепления Эдипа в пьесе «Царь Эдип», действиями которого, по словам самого героя, «руководит» бог Аполлон: «Ἀπόλλων τάδ' ἦν, Ἀπόλλων, φίλοι» (ОТ, 1329) - «Аполлон то был, Аполлон, друзья!» (пер. Ф.Ф.Зелинского). В обоих случаях действия Эдипа, которые в контексте сюжета мести становятся наказанием за преступления, совершаются при участии богов. Тем самым, как в пьесе «Царь Эдип», так и в пьесе «Эдип в Колоне», воплощены варианты одной и той же сюжетной схемы, в основе которой лежит инверсия ролей убийцы и жертвы.

Колон и Лаий. Мотив двойничества Лаия и Колона усиливается тем обстоятельством, что оба они представлены в образе всадников: Лаий, которого Эдип убивает на перекрестке трех дорог, едет на колеснице; Колон назван ἵπλοτήν, то есть, всадником, который управляет колесницей. Получив голосовое указание от бога Колона не медлить со смертью, Эдип умирает. Тем самым, смерть Эдипа оказывается следствием действий Колона, что можно формально записать как: «Колон убивает Эдипа». Поскольку Колон выступает в роли двойника («В1») Лаия, то участие Колона в процессе смерти Эдипа в структурном отношении является мстью Эдипу за убийство Лаия («В»).

Отсроченное наказание. В пьесе «Эдип в Колоне» герой говорит о том, что боги медлят, прежде чем наказать преступника: «θεοὶ γὰρ εὖ μὲν, ὁψὲ δ' εἰσορῶσ', ὅταν / τὰ θεῖ' ἀφείς τις εἰς τὸ μαινεσθαι τραπῆ» (ОС, 1536-37) - «Порою медлит божье правосудье, / Но не щадит безбожного безумца» (пер. С.В. Шервинского). Эти слова Эдипа становятся скрытым предвестием его

собственной смерти как отсроченной божьей кары. Мотив отсроченной мести разобран у Плутарха в разделе «Моралий», который называется «О случаях отложенного божественного наказания». В качестве примера Плутарх приводит тот же аристотелевский сюжет о Митии: «И еще был Митий из Аргоса, убитый в ссоре, чья бронзовая статуя на рынке упала на его убийцу и убила его» [15, с. 186] (пер. В.П.). В основе отсроченной мести лежит прием «отказного движения» [16, с. 54], как разновидности скрытого предвестия: сначала месть не осуществляется, что является «минусовым» предвестием ее осуществления в будущем.

Колесница Мития. Приводя историю Мития в качестве модели сюжета мести, ни Аристотель, ни Плутарх не сообщают никаких сведений о Митии, кроме того, что его посмертная статуя упала и послужила причиной смерти его убийцы. Между тем Митий Аргосский, о котором идет речь, упоминается Демосфеном, по свидетельству которого победитель скачек на Пифийских играх купил двухколесную колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, у сыновей Мития (Демосфен. Речи. 59:33): «Χαβρίαν τὸν Αἰζωνέα, ὅτε ἐνίκα ἐπὶ Σωκρατίδου ἄρχοντος τὰ Πύθια τῷ τεθρίππῳ ὃ ἐπρίατο παρὰ τῶν παίδων τῶν Μίτυος τοῦ Ἀργείου» [17, с. 59:33]. Как бывший владелец колесницы, выигравшей скачки, Митий мог быть награжден статуей [7, с. 128]. Статуи в честь победителей Пифийских игр по традиции изображали всадника или возничего, управляющего колесницей. Знаменитая статуя «дельфийского возничего», изображающая человека с вожжами в руках, была установлена в ознаменование победы на Пифийских играх в 478 году до н.э. История Мития как владельца колесницы, которому могла быть поставлена посмертная статуя в виде всадника, приобретает совершенно неожиданное звучание в свете мотива статуи, проведенного в пьесе «Эдип в Колоне».

Статуя всадника. Обращаясь к слепому Эдипу, пришедшему после долгих странствий в Колон, страж указывает на статую всадника Колона: «τὸνδ' ἱπλότην Κολωνόν» (OC, 59). Колон определен эпитетом ἱπλότην (hippotēs, 59), что означает «всадник на колеснице, запряженной лошадьми» [18, с. 503 – 504]. Как мы указали выше, имя бога, призывающего Эдипа не медлить со смертью, прямо не названо, но словом «бог» (θεός [theús] в пьесе обозначен Колон [19, с.

65]. Роль статуи Колона неожиданно перекликается с ролью статуи Мития: в обоих повествованиях осуществление отсроченной мести происходит в результате «оживания» статуи. В истории о Митии «оживание» статуи передано ее падением на убийцу этого самого Мития. В сюжете об Эдипе процесс ухода героя из жизни сопровождается голосовым призывом бога, который присутствует в действии в виде статуи Колона, одновременно олицетворяющей и бога Посейдона-конника. Пьеса «Эдип в Колоне» не только повторяет схему мести, воплощенную в пьесе «Царь Эдип», но и обнаруживает неожиданную перекличку с историей Мития, звучащую в мотиве «оживающей» статуи.

Предвестие. Внутренней пружиной механизма мести в мифе об Эдипе служит профетическое построение, в основе которого лежит скрытое предвестие. В явном виде мотив мести выражен в первом диалоге Эдипа и Креонта, брата Иокасты, который сообщает Эдипу о требовании бога (Аполлона) отомстить убийце прежнего царя Лаия: «Убитый пал он; ныне же к ответу // Бог ясно требует его убийц» (пер. Ф.Ф. Зелинского). В греческом тексте Софокла «τοῦτου θανάτου νῦν ἐπιστέλλει σαφῶς / τοὺς αὐτοέντας χειρὶ τιμωρεῖν τινος» (OT, 106-107) употреблен глагол **τιμωρεῖν** (tímōréō [tímōrēō] – «мстить»). Обещая **«мстить за землю и за бога»** – «γῆ τῆδε **τιμωροῦντα** τῷ θεῷ θ' ἅμα» (OT, 135-136), Эдип говорит: «ὄστις γὰρ ἦν ἐκεῖνον ὁ κτανών, τάχ' ἄν / κάμ' ἄν τοιαύτη χειρὶ **τιμωροῦνθ'** ἔλοι. / κείνῳ про σαρκῶν οὖν ἐμαυτὸν ὠφελῶ» (OT, 139-141) – **«Тот, кто убил его, возможно / также отомстит мне той же рукой»** (пер. В.П.). Слова Эдипа заключают в себе скрытое предвестие: убийца Лая, которым оказывается сам Эдип, действительно, отомстит ему той же рукой – Эдип ослепляет себя сам.

Двойное предсказание. Профетическое построение сюжета мести основано на двойном предсказании: не только Лай узнает от оракула, что он будет убит своим сыном, но и Эдип узнает, что он станет убийцей своего отца и вступит в брак с родной матерью. Со слов Пастуха, божественное предсказание (θέσφατος [thésphatos]) заключалось в том, что Эдип убьет «своих родителей» (τοὺς τεκόντας). Слово τεκόντας – это причастная форма множественного числа глагола τίκτω [tíktō] (производить на свет, рожать), который употребляется в отношении одного из родителей – отца или матери. Хотя в

тексте Софокла причастие употреблено во множественном числе (τεκόντας), комментатор-классик объясняет, что речь идет не о родителях Эдипа, а только о его отце [20, с. 1176]. Между тем, ворвавшись в чертог, где повесилось Иокаста, Эдип, еще не найдя ее, «метался взад и вперед, требуя меч (ἔγχος [énkhos]) и вопрошая, где найти ту жену, которая не была женой» (пер. В.П.) - «φοῖτᾱ γὰρ ἡμᾶς ἔγχος ἐξαιτῶν πορεύειν, γυναῖκά τ' οὐ γυναῖκα» (OT 1255). Слова Эдипа звучат как угроза отомстить Иокасте за ее соучастие в попытке убийства его в младенческом возрасте. Буквальное прочтение предсказания о том, что Эдип убьет обоих «родителей», соответствует с одной стороны, удвоению количества участников попытки детоубийства, предпринятой как Лаией, так и Иокастой, а с другой - удвоению актов мести со стороны Эдипа: сначала он убивает отца, а позже требует меч, намереваясь убить мать [21, с. 43]. Иокаста гибнет без непосредственного участия Эдипа, однако она кончает с собой в результате его действий – расследования убийства Лаия, которое открывает правду.

Бегство. Обратим внимание ещё на одну параллель между историей о Митии, изложенной Аристотелем, и сюжетом об Эдипе. Согласно некоторым версиям, убийца Мития, опасаясь наказания, бежит из города, где было совершено преступление, в Аргос. Но именно в Аргосе на него и падает статуя Мития [22, с. 27]. Эдип, дабы избежать предсказания о том, что он станет отцеубийцей и женится на матери, бежит из Дельфы в Фивы. По дороге предсказание сбывается: он убивает отца, а в Фивах женится на матери. В обоих случаях бегство прочь от события, которого пытается избежать персонаж, становится бегством навстречу этому событию.

Детоубийство и отцеубийство. Мотив детоубийства возникает в сюжете в тот момент, когда Лаий пытается убить своего новорожденного сына. Со структурной точки зрения, попытка детоубийства со стороны Лаия представляет собой ответное действие, условно говоря, месть сыну за убийство отца (*отцеубийство*), хотя еще и не осуществленное, но уже предсказанное оракулом, что в мифе эквивалентно неизбежному. На первый взгляд, убийство Лаия Эдипом, скорее, похоже на божественное возмездие, чем на индивидуальную месть сына, так как он не знал ни своего прошлого, ни того, что убивает отца.

Между тем, действия Эдипа можно рассматривать и как ответный удар, поскольку в ходе ссоры на узкой дороге сначала Лай поразило его «двойным «стрекалом» (διπλός κέντρον), за что и «поплатился». Об этом рассказывает потом сам Эдип: «Я **посохом** его ударил в лоб» - «σκήπτρῳ τυπεῖς ἐκ τῆσδε χειρὸς ὕπτιος» (Oedipus Tyrannus, 811). Мотив детоубийства в сюжете удваивается, поскольку Лаий *вторично* пытается убить своего сына, на этот раз им не узанного. В ответ Эдип убивает не узанного им отца. В дальнейшем акт самоослепления Эдипа оказывается не только местью в форме символической казни самого себя, но также и отцеубийством, и детоубийством. Дело в том, что Эдип одновременно выступает в трех ипостасях: «сына» (Лая и Иокасты), «мужа» (Иокасты) и «отца» (Антигоны, Исмены, Полиника и Этеокла). В этом контексте самоослепление как символическое убийство Эдипом-сыном самого себя, то есть, Эдипа-отца, в структурном смысле эквивалентно *отцеубийству*. В свою очередь, убийство Эдипом-отцом самого себя в роли Эдипа-сына формально представляется *детоубийством*. Тем самым, мотивы детоубийства и отцеубийства, проведенные по отдельности сначала в действиях Лаия (попытка убийства ребенка), а потом в действиях Эдипа (убийство отца), соединяются воедино в финальном акте мести - самоослепления героя.

Пряжка. Акты *детоубийства, отцеубийства и символического самоубийства (самоослепление)*, которые воплощают сюжет мести, имеют одну общую особенность: все они совершаются с помощью колющего предмета. Попытку детоубийства Лаий предпринимает, используя **пряжку** (περόνη – perónē): «καὶ τὸ γεννηθὲν ἐκθεῖναι δίδωσι νομεῖ, **περόνας** διατρήσας τὰ σφυρά» [23, с. 3.5.7] - «предварительно проколов новорожденному Эдипу лодыжки пряжкой, Лаий отдал его пастуху, чтобы тот его выбросил» [4, с. 82-83]. Мать Эдипа Иокаста так описывает действия Лаия: «τρέϊς, καὶ νιν **ἄρθρα** κεῖνος ἐνζεύξας ποδοῖν» (OT, 718) - «И он его, сковав **суставы** ножек» (пер. Ф.Ф. Зелинского). Прокалывание *суставов Эдипа* заключает в себе скрытое предвестие его самоослепления посредством *прокалывания им своих зениц*: «ἄρας ἔπασεν **ἄρθρα** τῶν αὐτοῦ κύκλων» - «И, вверх поднявши острую иглу, / Ее в очей **зеницы** погружает» (Царь Эдип, 1270. Пер. Ф.Ф. Зелинского). Дело в том, что в

греческом тексте *суставы* и *зеницы* обозначены одним и тем же словом **ἄρθρα** [árthra]. В финале пьесы Эдип прокалывает свои зеницы (ἄρθρα) **пряжкой** (περόνη), которую он срывает с ризы повесившейся Иокасты: «περόνας ἀπ' αὐτῆς, αἷσιν ἐξεστέλλετο» (OT. 1269) - «Эдип срывает пряжку золотую» (пер.Ф.Ф.Зелинского). Тем самым попытка *детоубийства*, предпринятая Лаем с помощью **пряжки** (περόνη), перекликается с актом *самоослепления* Эдипа, совершенным пряжкой. Другим колющим предметом - мечом (ἔγχος [énkhos]) - Эдип намеревается заколоть Иокасту (OT,1255). Нанесение Лаием удара Эдипу «двойным стрекалом» (διπλός κέντρον) перекликается с попыткой Лаия убить новорожденного Эдипа с помощью пряжки (περόνη) - и стрекало, и пряжка - колющие предметы. Эдип также убивает Лаия острым предметом, обозначенном словом **σκήπτρον** [skê:ptron] (палка, посох, жезл).

Палка слепца. В загадке Сфинги о существовании меняющимся количеством ног употреблено слово **τρίπουν** (трехногий), которое служит метафорой человека в старости, когда ему нужна третья опора - палка при ходьбе. Слово **τρίπουν** созвучно со словом **τρύπων** (генетив множественного числа слова τρύπα [trýpa] - «дыра»). Мотив трехногости, выраженный в загадке словом τρίπουν, за счет звуко-смысловой игры со словом τρύπων ассоциируется с образом «продырявленных» в детстве ног Эдипа. Тем самым «трехногость» в загадке одновременно становится предвестием самоослепления Эдипа, которому после утраты зрения приходится опираться на третью ногу - палку слепца (σκήπτρον). Тем же словом σκήπτρον обозначена и дорожная палка, острым концом которой Эдип нанес смертельный удар Лаию. Колющий предмет, выступающий в роли виртуального театрального реквизита, оказывается скрытым предвестием в профетическом построении, которое лежит в основе сюжета мести в мифе об Эдипе.

Расширенный сюжет. Схема мести в сюжете об Эдипе строится на инверсии отношения «убийство-месть», в более широком смысле - «преступление-наказание»: то, что было убийством, становится мстью и наоборот. Полученное Лаем предсказание оракула о гибели

от руки собственного сына становится отправной точкой сюжета собственно об Эдипе. В контексте же расширенного сюжета, связанного с Эдипом, это предсказание выступает в роли мести за преступление, совершенного Лаем. Еще до рождения Эдипа Лаий похитил Хрисиппа, сына своего друга Пелопса, и изнасиловал его. Не вынес позора, Хрисипп покончил с собой. Так как Хрисипп погиб в результате действий Лаия, то произошедшее событие можно формально записать как «Лаий убивает Хрисиппа». Дабы отомстить Лаю за смерть сына, его отец Пелопс просит богов наказать Лаия - послать ему смерть от руки его собственного сына, что формально означает: «Хрисипп убивает Лая» с помощью «двойника» - сына самого Лая. В расширенном сюжетном контексте убийство Лая Эдипом можно рассматривать как месть за смерть Хрисиппа. Местью осуществляет тоже сын, но самого Лая, как субститут или двойник Хрисиппа. В формальном виде сюжет можно записать как: «Лаий (А) убивает Хрисиппа (В)», «Субститут Хрисиппа (В1) убивает Лаия (А)», что тождественно предикату «Хрисипп мстит Лаию» посредством своего субститута, в роли которого выступает Эдип. Таким образом, фигура Эдипа дважды «раздваивается»: а) когда он мстит Лаяю за смерть Хрисиппа. Здесь Эдип, сын Лаия, выступает в роли субститута Хрисиппа (сына Пелопса); в) когда Эдип мстит самому себе за убийство отца. Здесь Эдип, сын Лаия, выступает в роли субститута своего отца. В обоих случаях воспроизводится схема сюжета о Митии, в котором месть за убийство осуществляет субститут-двойник убитого. Обратим внимание на следующее обстоятельство: в отместку за смерть Хрисиппа Гера посылает на Фивы Сфингу [24, с. 155], а по дороге в Дельфы, куда Лаий едет узнать у Аполлона, как избавиться от Сфинги, его убивает Эдип. В результате убийство Лаия становится тройным выражением мотива: 1. мстью Пелопса за смерть Хрисиппа; 2. мстью Геры за смерть Хрисиппа; 3. мстью Эдипа за неудавшееся убийство его в младенческом возрасте отцом.

1. Feng, C. Oedipus-A Victim of Human Free Will. The 2nd World Conference on Humanities and Social Sciences (WCHSS 2017). - Francis Academic Press, UK. - Pp. 10-18.

2. Elliott, C. Review: Sophocles' Oedipus: Evidence and Self-Conviction by Frederick Ahl. - The American Journal of Philology. - Vol. 114, No. 3 (Autumn, 1993). - Pp. 441-443.

3. Rosen, I. Revenge — The Hate That Dare Not Speak Its Name: A Psychoanalytic Perspective. JAPA. - Volume: 55 issue: 2, June, 2007. - pp. 595-619.
4. Аполлодор. Мифологическая библиотека. - М.: АСТ. Астрель, 2004. - 352 с.
5. Диодор Сицилийский. Греческая мифология. - М.: Лабиринт 2000. - С. 65.
6. Böhm, T., Kaplan, S. Revenge. On the Dynamics of a Frightening Urge and its Taming. - Routledge 2018. - 238 p. - P. 3-4.
7. Славутин, Е., Пимонов, В. Структура сюжета. - М.: Флинта-Наука, 2018. - 172 с. - С. 35.
8. Аристотель. Поэтика (пер. М.Л. Гаспарова) // Аристотель и античная литература. - М.: Наука, 1978. - 232 с. - С. 128.
9. Aristotle. ed. R. Kassel, Aristotle's Ars Poetica. - Oxford, Clarendon Press. - 1966. - 1452 a.
10. Славутин, Е., Пимонов, В. К вопросу о структуре сюжета // Вестник литературного института им. А.М. Горького. - № 2. - 2012. - с. 27.
11. Rossholm, Göran. Causal Expectation // Emerging Vectors of Narratology. ed. Per Krogh Hansen, John Pier, Philippe Roussin, Wolf Schmid. de Gruyter, Berlin / Boston 2017. - 643 P. - p. 207.
12. Collard, C. (2004). Oedipus. In Collard, C.; Cropp, M.J.; Gilbert, J. (eds.). - Euripides: Selected Fragmentary Plays. - Volume II. Aris & Phillips. - Pp. 108–110.
13. Пропп, В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Наука — М.: 1976. - 326 с.
14. Rado, C. Oedipus At Colonus: An Interpretation. - American Imago. - Vol. 19, No. 3 (FALL 1962). - Pp. 235-242.
15. Plutarch. The Delays of Divine Vengeance (Moralia) or “On the Delay of Deity in the Punishment of the Wicked” in: Selected Essays of Plutarch. Vol. II. Translated and introduction by A.O. Prickard. - Oxford at the Clarendon Press. - 1918. - P. 186.
16. Жолковский, А. К., Щеглов, Ю. К. О приеме выразительности «отказ» // Работы по поэтике выразительности. — М.: Прогресс, 1996. - 344 с.
17. Demosthenes. Speeches. 59:33. - URL: <http://perseus.uchicago.edu/perseus/cgi/citequery3.pl?dbname=GreekFeb2011&query=Dem.%2059.33&getid=1> (дата обращения: 29.09.2020).
18. Nagy, Gregory. The Ancient Greek Hero in 24 Hours. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. - 713 p. - Hour 18. - P. 503 – 504.
19. Jebb, Richard. Sophocles: The Plays and Fragments, with critical notes, commentary, and translation in English prose. Part II: The Oedipus Coloneus. Sir Richard C. Jebb. - Cambridge. Cambridge University Press. 1899. - commentary to OC line 65.
20. Jebb, Richard. Commentary on Sophocles: Oedipus Tyrannus. - Cambridge. At the University press. 1885. commentary to line: 1176.
21. Faber M. D. Self-Destruction in "Oedipus Rex". American Imago. - Vol. 27, No. 1 (SPRING 1970). - Pp. 41-51.
22. Noel, C. Tales of Dread in Twilight Zone: A Contribution to Narratology // Philosophy in the Twilight Zone. Edited by Noel Carrol and Lester H. Hunt. Wiley-Blackwell Publishing, 2009. - P. 27.
23. Apollodorus. Apollodorus, The Library, with an English Translation by Sir James George Frazer, F.B.A., F.R.S. in 2 Volumes. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd. 1921. (3.5.7).
24. Edmunds, L. The Sphinx in the Oedipus Legend // Oedipus. A Folklore Casebook. Edited by Lowell Edmunds and Alan Dundes. The University of Wisconsin Press. - 1983. - 285 P.

THE STORY OF OEDIPUS: REVENGE PLOT AND A STATUE OF MITYS

© 2020 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology (Denmark), professor emeritus.

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School.

Moscow, Russia

Object of the article: This study focuses on the revenge plot in the story of Oedipus. *Subject of the article:* The author argues that the revenge scheme based on the story about “the statue of Mityts at Argos, which killed the man who caused Mityts’s death falling on him”, described by Aristotle, is in fact implemented in the story of Oedipus in a hidden way. The author draws a parallel between a role of the statue of Colonus in “Oedipus at Colonus” by Sophocles (which the author considers as an inseparable part of the Oedipus story – along with “Oedipus Tyrannus”) and a role of the statue of Mityts. *Purpose of research:* The article describes the structure of the story of Oedipus in the light of the revenge motif. *Results:* The author argues that the plot structure of the Oedipus story is based on the inversion of the roles of “murderer” and “avenger”, when “murderer” becomes “victim” and “victim” becomes “murderer”. This inversion

happens as a result of “splitting” of the “victim”, when the act of vengeance is performed not by the “victim” proper, but their double. Oedipus is split into two different figures, thus becoming a double of himself. Oedipus in the role of “murderer”, who kills Laius in a quarrel at the crossroads, symbolically is a double of Oedipus in the role of “victim”, who, as Laius believes, had been killed by him as a newborn baby. Furthermore, Oedipus in the role of “avenger”, who “avenges” the murder of Laius by blinding the murderer in a symbolic act of suicide, *already knows* that he is a parricide, while Oedipus in the role of “murderer”, who kills Laius, *does not yet know* that he kills his father. *Field of application:* literary studies, structural poetics, classics. *Conclusion:* The story of Oedipus is based on the revenge plot, which unfolds through prophecies and foreshadowing, prefiguring the alternation of the acts of murder and revenge.

For their great assistance and helpful advice, I am indebted to Dan Whitman and Svetlana Gracheva.

Key words: Oedipus, plot, revenge, structure,, double, motif, murder,, vengeance, prophecy, foreshadowing.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-74-121-129

1. Feng, C. Oedipus-A Victim of Human Free Will. The 2nd World Conference on Humanities and Social Sciences (WCHSS 2017). - Francis Academic Press, UK. - Rr. 10-18.
2. Elliott, C. Review: Sophocles' Oedipus: Evidence and Self-Conviction by Frederick Ahl. - The American Journal of Philology. - Vol. 114, No. 3 (Autumn, 1993). - Rp. 441-443.
3. Rosen, I. Revenge — The Hate That Dare Not Speak Its Name: A Psychoanalytic Perspective. JAPA. - Volume: 55 issue: 2, June, 2007. - pp. 595-619.
4. Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka (Mythological library). - M.: AST. Astrel', 2004. - 352 s.
5. Diodor Sitsiliyskiy. Grecheskaya mifologiya (Greek mythology). - M.: Labirint 2000. - S. 65.
6. Böhm, T., Kaplan, S. Revenge. On the Dynamics of a Frightening Urge and its Taming. - Routledge 2018. - 238 p. - P. 3-4.
7. Slavutin, Ye., Pimonov, V. Struktura syuzheta (The structure of the plot). - M.: Flinta-Nauka, 2018. - 172 s. - S. 35.
8. Aristotel'. Poetika (Poetics) (per. M.L. Gasparova) // Aristotel' i antichnaya literatura. - M.: Nauka, 1978. - 232 s. - S. 128.
9. Aristotle. ed. R. Kassel, Aristotle's Ars Poetica. - Oxford, Clarendon Press. - 1966. - 1452 a.
10. Slavutin, Ye., Pimonov, V. K voprosu o strukture syuzheta (On the question of the structure of the plot) // Vestnik literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo. - № 2. - 2012. - s. 27.
11. Rossholm, Göran. Causal Expectation // Emerging Vectors of Narratology. ed. Per Krogh Hansen, John Pier, Philippe Roussin, Wolf Schmid. de Gruyter, Berlin / Boston 2017. - 643 P. - p. 207.
12. Collard, C. (2004). Oedipus. In Collard, C.; Cropp, M.J.; Gilbert, J. (eds.). - Euripides: Selected Fragmentary Plays. - Volume II. Aris & Phillips. - Rp. 108-110.
13. Propp, V. YA. Edip v svete fol'klora // Fol'klor i deystvitel'nost'. Nauka — M.: 1976. - 326 s.
14. Rado, C. Oedipus At Colonus: An Interpretation. - American Imago. - Vol. 19, No. 3 (FALL 1962). - Rp. 235-242.
15. Plutarch. The Delays of Divine Vengeance (Moralia) or “On the Delay of Deity in the Punishment of the Wicked” in: Selected Essays of Plutarch. Vol. II. Translated and introduction by A.O. Prickard. - Oxford at the Clarendon Press. - 1918. - P. 186.
16. Zholkovskiy, A. K., Shcheglov, YU. K. O priyeme vyrazitel'nosti «otkaz» (On the method of expressiveness "rejection") // Raboty po poetike vyrazitel'nosti. — M.: Progress, 1996. - 344 s.
17. Demosthenes. Speeches. 59:33. - URL: <http://perseus.uchicago.edu/perseus/cgi/citequery3.pl?dbname=GreekFeb2011&query=Dem.%2059.33&getid=1> (data obrashcheniya: 29.09.2020).
18. Nagy, Gregory. The Ancient Greek Hero in 24 Hours. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. - 713 r. - Hour 18. - P. 503 – 504.
19. Jebb, Richard. Sophocles: The Plays and Fragments, with critical notes, commentary, and translation in English prose. Part II: The Oedipus Coloneus. Sir Richard C. Jebb. - Cambridge. Cambridge University Press. 1899. - commentary to OC line 65.
20. Jebb, Richard. Commentary on Sophocles: Oedipus Tyrannus. - Cambridge. At the University press. 1885. commentary to line: 1176.
21. Faber M. D. Self-Destruction in "Oedipus Rex". American Imago. - Vol. 27, No. 1 (SPRING 1970). - Rp. 41-51.
22. Noel, C. Tales of Dread in Twilight Zone: A Contribution to Narratology // Philosophy in the Twilight Zone. Edited by Noel Carrol and Lester H. Hunt. Wiley-Blackwell Publishing, 2009. - P. 27.
23. Apollodorus. Apollodorus, The Library, with an English Translation by Sir James George Frazer, F.B.A., F.R.S. in 2 Volumes. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd. 1921. (3.5.7).
24. Edmunds, L. The Sphinx in the Oedipus Legend // Oedipus. A Folklore Casebook. Edited by Lowell Edmunds and Alan Dundes. The University of Wisconsin Press. - 1983. - 285 P.